ВРАТА К
18
5-ОКТ.
п.
8.й экз.

ЗАВѢТЫ

№ 2

БИБЛИОТЕКА
Инстит. Красн. Профес.
Инв. № 2005

МАЙ 1912

Р

СОДЕРЖАНІЕ.

СТРАН.

1. **Иванъ-Осляничекъ** (Изъ сказаній у Семибратскаго кургана). *М. Пришвина* . . . . . 5—30
2. **Молитва вечерняя**. *А. Черемнова* 31
3. **Пилигримъ**. *А. Черемнова* 32
4. **То, чего не было** (Три брата). Романъ въ трехъ частяхъ (Продолженіе). *В. Ропшина* . . . . 33—55
5. **Сусальный ангелъ**. *Александра Блока* 56
6. **Повеселясь на буйномъ пиръ**... Стихотвореніе *А. Блока*. 57
7. **Около моря** (Этюдъ). *С. Сергѣева-Ценскаго*. . . 58—68
8. **Намъ той-же рати**... Стихотвореніе *С. Парнока*. 69
9. **Дорога**. *Ив. Касаткина* . . . . . 70—90
10. **Помолились** (Разсказъ изъ тунгусской жизни). *Вяч. Шишкова*. . . . . 91—101
11. **Пѣсня про судьбу**. *Николая Клюева* 102
12. **Прохожу ночной деревней**... Стих. *Н. Клюева* . 103—104
13. **Тѣни забытыхъ предковъ**. Повѣсть (Продолженіе). *М. Коцюбинскаго*. Перев. *Ф. Волховскаго*. 105—120
14. **Дума**. *Евгенія Нарова* 121
15. **Мой путь**. *Евгенія Нарова*. 122
16. **Повѣсть о дняхъ моей жизни, радостяхъ моихъ и злоключеніяхъ** (Продолженіе). *Ив. Вольнаго* . 123—144

---

17. **Реформаторы и бунтари въ современной біологіи** (Окончаніе). *В. В. Лункевича* . . . . . 1—29
18. **Быть или не быть общинѣ въ Россіи** (Очерки). *К. Качаровскаго* . . . . . 30—54
19. **Этика и политика** (Очерки). *Виктора Чернова*. 55—86
20. **Македонія и новый режимъ** (Письмо изъ Македоніи). *Станислава Вольскаго* . . . . . 87—103

(См. на оборотъ).

СТРАН.

19. **Дѣла и дни.** *Я. Вѣчева.* . . . . . 104—131
20. **Свое и Чужое** (Русская жизнь). *С. Мстиславскаго.* 132—154
21. **Текущая жизнь** (Обзоры и замѣтки) . . . . 155—189
22. **Библіографія.** И. Эренбургъ. Одуванчики.—Н. Шаховская В. Г. Короленко. Опытъ біографической характеристики.—Два года съ Л. Н. Толстымъ.—Библіотека великихъ писателей подъ редакціей С. А. Венгерова.—С. И. Солнцевъ. Заработная плата, какъ проблема распредѣленія.—В. В. Очерки крестьянскаго хозяйства.—С. Прокоповичъ. Аграрный кризисъ и мѣропріятія правительства.—Ил. Чернышевъ.—„Крестьяне объ общинѣ наканунѣ 9 ноября 1906 года.—Къ вопросу объ общинѣ".—**Новыя книги, поступившія въ редакцію для отзыва** . . . . . 190—214
23. **Книжныя новости.** 215
24. **Письмо въ редакцію** *Т-ва „Знаніе"* 224
25. **Объявленія.**

Дѣла и дни.

О „дѣтскихъ болѣзняхъ“ нашего движенія.

„Когда бросаешь камень въ воду, гляди на круги, отъ сего образуемые; ибо иначе это будетъ пустое занятіе“,—писалъ когда-то въ своемъ неподражаемо-глубокомысленномъ жанрѣ Козьма Прутковъ.

Еще до выхода въ свѣтъ „Завѣтовъ“, въ тотъ короткій промежутокъ времени, когда, въ поискахъ журнальной трибуны, мы гостили въ „Современникѣ“,—намъ случилось бросить въ застоявшуюся водную гладь тихихъ заводей нашей журналистики камень, отъ котораго тотчасъ же пошли въ разныя стороны многочисленные круги. Дѣлать нечего—будемъ же глядѣть на нихъ. Вотъ она, эта концентрически расходящаяся обманная видимость движенія, способная наглядно демонстрировать всю упругость мертваго застоя. Вотъ улегающіеся крики „Русской Мысли“, сводимые на-нѣтъ спеціалистомъ этого дѣла, г. Изгоевымъ: его „работу“ мы видѣли въ прошлый разъ. А вотъ и въ другомъ мѣстѣ та же видимость „движенія воды“, на самомъ дѣлѣ безнадежно стоящей на одномъ мѣстѣ: ее демонстрируетъ Ю. Каменевъ, полемизирующій противъ насъ въ „Просвѣщеніи“, ежемѣсячникѣ, носящемъ подзаголовокъ „журналъ марксистскаго направленія“.

Подзаголовокъ этотъ не совсѣмъ точенъ. Всего „направленія“ журнальчикъ этотъ не обслуживаетъ и не собирается обслуживать. Это—очень исключительный органъ одной небольшой фракціи, и весьма исключительной фракціи, но ему хочется всѣмъ, начиная съ подзаголовка, доказывать, будто часть равна своему цѣлому. А, между тѣмъ, трудно не замѣтить, что при крайнемъ дробленіи, парцеллированіи, почти *пульверизированіи* современныхъ фракцій политическое значеніе каждой изъ нихъ безостановочно убываетъ, и, съ другой стороны, все больше растетъ число людей, становящихся *внѣ фракцій*. Скажутъ: но не значитъ ли это, что создается только новая „внѣфракціонная“ фракція, не уменьшающая, а лишь увеличивающая ровнымъ сче-

то же время „глава сыскного (sic!) отдѣленія, организованнаго внутри партіи для передачи всѣхъ могущихъ оказаться для нихъ полезными свѣдѣній врагамъ партіи“ (27), это — невмѣняемый человѣкъ, сплетничаньемъ „по парижскимъ кабакамъ“, „поставляющій свѣдѣнія для охранки“ (153), „герой сплетни и шантажа“, „политическій авантюристъ“ (152), годный лишь для того, чтобы стараться „неблаговоніемъ собственныхъ писаній осилить запахъ выгребныхъ ямъ либерально-ликвидаторской мудрости“ (60)...

Вотъ что называется полемизировать! Правда, не остается въ долгу и противная сторона: противъ Каменева и товарищей Мартовымъ выпущена брошюра разоблаченій, въ которой есть все, вплоть до вопроса о какихъ-то „темныхъ деньгахъ“ и „фальшивыхъ бумажкахъ“; брошюра, которую ея противники называютъ „вонючей бомбой, брошенной въ партію, съ надеждой на дѣйствіе ея взрывающихъ міазмовъ“.

И, невольно зажимая носъ, мы спрашиваемъ себя въ недоумѣніи: куда мы попали? гдѣ мы? среди кого?

„Ванька! это твоя литература!“ Въ самомъ дѣлѣ, такая „литература“, казалось бы, мыслима лишь... на заборахъ; такая полемика была бы понятна развѣ между не подѣлившими „темныхъ денегъ“ дѣльцами союза русскаго народа; но, чтобы она процвѣтала между членами *одной и той же* соціалистической партіи, которые и послѣ этой полемики, какъ и до нея, равно остаются подъ ея гостепріимной кровлей—это нѣчто невѣроятное, неслыханное. При чемъ здѣсь соціализмъ? При чемъ здѣсь „марксисткое направленіе“? Всѣ искренніе друзья и того, и другого, безъ различія направленій и фракціи, должны бы во имя простой чистоплотности прекратить, во что бы то ни стало прекратить этотъ скандалъ, позорящій тѣ великіе принципы, во имя которыхъ онъ поднятъ людьми, явно неспособными взвѣшивать свои слова и поступки...

Тяжело и грустно, что до сихъ поръ въ этомъ направленіи почти ничего не сдѣлано. А между тѣмъ, намъ грозитъ серьезная опасность: этотъ исходящій желчью, ненавистническій способъ „веденія принципіальной полемики“ хотятъ ввести въ норму, хотятъ, чтобы съ нимъ совершенно освоились, чтобы къ нему привыкли, чтобы его „приняли“...

И о чемъ бы ни шла рѣчь, какія бы области знанія ни затрогивались—вплоть до философіи—манеры остаются тѣ же. Раскроемъ книжку Вл. Ильина „Матеріализмъ и эмпиріокритизмъ“ (изд. „Звено“, Москва 1909 г.), и мы убѣдимся, что со всѣми представителями современной европейской философской мысли авторъ

учиняетъ такую же скорую и немилостивую расправу, какъ Ю. Каменевъ съ товарищами по партіи.

Судите сами. Вы интересуетесь представителями имманентной школы? Это — „философскіе Меньшиковы“ (стр. 142), а основатель этой школы—„черносотенный Шуппе“ (стр. 430). Вы слышали что-то о „новѣйшемъ позитивизмѣ“? Знайте же, что это просто „мѣшанина“ (стр. 58), „старый хламъ“ (стр. 66) и „образецъ эклектической нищенской похлебки“ (стр. 59), плохо прикрытый „пустыми гелертерскими претензіями“ (стр. 72). Вамъ интересенъ эмпиріокритицизмъ? Извольте: основатель этой школы— „кривляка Авенаріусъ“ (стр. 99), защищающій „безмозглую философію“ (41), „окрошку“ (225), въ которой все сплошь—„безтолковое перепутываніе“ (93); онъ вѣчно поступаетъ „по совѣту тургеневскаго пройдохи: больше всего кричать противъ тѣхъ пороковъ, которые въ себѣ сознаешь“ (91). Не честнѣе и Махъ, котораго почему-то прославили, какъ научное свѣтило: „его философія—праздныя и пустыя слова, въ которыя не вѣритъ и самъ авторъ“ (34), „самое безсвязное спутываніе“ понятій (48) и „языкоблудіе“ (39); несмотря на всѣ свои „реакціонные философскіе выверты“ (54) и „важничанье пустышкой“ (50), онъ тщетно старается прикрыть свою наготу, ибо „ходитъ голенькій“ (35). Хотите получить характеристику другихъ философовъ современности и недавняго прошлаго? Не станетъ дѣло и за этимъ. Вотъ вамъ Риль, Лаасъ и др. — „путаники-профессора“ (106), далѣе слѣдуютъ „пѣтухи Бюхнеры, Дюринги и Ко (257); вотъ „путаникъ А. Ланге, фальсифицировавшій исторію матеріализма“ (235); вотъ извѣстный физикъ Пуанкарэ, на своемъ примѣрѣ доказывающій, что есть „люди, способные мыслить только безсмыслицу“ (351); вотъ Корнеліусъ, награждаемый эпитетомъ „урядника на профессорской каеедрѣ“ (256); вотъ Петцольдъ, уличаемый въ „буржуазномъ шарлатанизмѣ“ (259) и дающій поводъ Вл. Ильину сочинить эпитетъ „ноздревски-петцольдовскій“... И всѣ событія въ области философіи, преломляясь сквозь зрѣніе Вл. Ильина, принимаютъ совершенно своеобразный характеръ: такъ, „сто тысячъ читателей Геккеля означаютъ сто тысячъ плевковъ по адресу философіи Маха и Авенаріуса“ (427) и потому, когда Вилли пишетъ критическую статью о книгѣ Геккеля, то это онъ просто „утирается“... (427).

И опять-таки: что это? откуда столько изумительной некультурности и неуваженія къ мысли человѣческой? Откуда такая безконечная развязность и распоясанность? Что это за сорвавшійся съ привязи языкъ у человѣка, который, послѣ долгой без-

заботности по отношенію къ философіи, вдругъ собрался съ силами и затѣялъ учинить настоящій философскій *погромъ*? Что это за надоѣдливая, и потому даже не смѣшная, что это за отвратительная манера то за панибрата, то даже свысока, но всегда равно грубо, третировать людей, дѣйствительно, нѣчто создавшихъ въ области философской мысли? Что это за жаргонъ, къ которому насъ, правда, уже пріучилъ Пуришкевичъ въ третьей Думѣ, но который доселѣ еще не былъ извѣстенъ въ области философіи? И откуда, наконецъ, такая смѣлость да еще у человѣка, все отношеніе-то котораго къ философіи можно выразить въ одной фразѣ: was hat er selbst nur gestern gelernt, das will er heute schon lehren?

Присмотрѣвшись къ пріемамъ, съ которыми Вл. Ильинъ неожиданно ворвался въ область философіи, невольно вспоминаешь того купца изъ разсказа Глѣба Успенскаго, который въ слѣдующихъ, примѣрно, краскахъ описывалъ одно изъ своихъ похожденій: „Да ка-акъ начну я трахать, да наклеивать, да пристукивать, да огрѣвать, да раздавать лещей, да судаковъ, да подзатыльниковъ кому въ носъ, кому въ зубы, кому подъ поясницу, кому во всѣ прочія мѣста,—только, наконецъ того дѣла, вижу: распространено вокругъ меня пространство и стою я, какъ какой-нибудь Мининъ-Пожарскій на Красной площади, а вокругъ меня разные народы—кто головой въ плетень угодилъ и такъ застрялъ, что и выбраться не можетъ, кто ужъ на карачкахъ ползетъ, кто еле дышетъ, какъ рыба на сухомъ берегу—такъ я всѣхъ въ лучшемъ видѣ удовольствовалъ!“

Сказанное приводитъ насъ все къ тому же, съ чего мы начали: къ *дѣтскимъ болѣзнямъ* нашего движенія. Здѣсь ярко сказалась все та же душная атмосфера сектантской кружковщины и фракціоннаго дробленія. Всякая фракція, какъ бы ни была она мала, должна имѣть своего лидера, своего „великаго человѣка“. Но великіе люди не рождаются всегда въ такомъ количествѣ, чтобы удовлетворить запросъ въ нихъ. А, по мѣрѣ „пульверизированія“ фракцій, запросъ растетъ. Нѣтъ великихъ людей—надо ихъ выдумать. Тѣ самые люди, которые имѣютъ роста ровно настолько, чтобы быть небезталанными работниками или рядовыми почтенностями въ широкой массовой политической кооперацiи, превращаются въ единоличныхъ лидеровъ и вождей. Группирующіеся вокругъ нихъ кружки „вѣрныхъ“ заставляютъ ихъ становиться на ходули, а они, въ свою очередь, стараются укрѣплять ихъ узкій „приходскій“ фанатизмъ. Получающійся процессъ взаимодѣйствія взращиваетъ и укрѣпляетъ въ угрожающей про-

грессіи самоослѣпленіе тѣхъ и другихъ. Зарождается идейная мономанія и нетерпимость фанатика, отъ которой рукой подать до настоящей mania grandiosa. Нарастаетъ бранчивая раздражительность и несносное высокомѣріе непризнанныхъ геніевъ, изъ которыхъ каждый не можетъ простить всему остальному человѣчеству того факта, что онъ „дивитъ свой только муравейникъ". Въ этомъ видится чья-то злонамѣренность, какой-то подвохъ. Безмѣрная преданность маленькой свиты приверженцевъ не даетъ никакой возможности объяснить себѣ дѣло проще. Собственная непопулярность начинаетъ казаться расплатой за служеніе настоящему правому дѣлу, жертвой, приносимой на алтарь отечества. Бушующее за порогомъ сознанія пламя собственнаго неукротимаго самолюбія незамѣтно облекается въ тогу самой чистой идейности. Всякіе масштабы и мѣрки въ оцѣнкѣ собственныхъ силъ исчезаютъ. Великодержавный тонъ нарастаетъ. Чѣмъ меньше кружокъ вѣрныхъ, тѣмъ онъ, въ концѣ концовъ, окажется нетребовательнѣе. И вотъ человѣкъ, котораго въ широкой политической коопераціи соревнованіе съ товарищами по дѣлу двигало бы впередъ, заставляло бы развивать свои силы, обогащая свой умъ результатами чужихъ работъ и оплодотворяя своими работами ихъ сознаніе, ревниво замыкается, начинаетъ чураться другихъ, заранѣе опорочивать ихъ работы, выискивать въ нихъ слабыя мѣста, придираться, выдумывать во что бы то ни стало свои собственныя, единственно-истинныя формулировки. Пониженныя требованія, предъявляемыя къ лидерамъ съуженной аудиторіей, убійственно вліяютъ и на аудиторію, и на лидеровъ. Тѣ и другіе мельчаютъ въ полную мѣру своей способности къ измельчанію.

И вотъ съ выдуманными знаменитостями узенькаго „мірка" повторяется старая исторія о „муравьѣ силы непомѣрной", въ доказательство которой онъ ежеминутно готовъ былъ впиваться въ любого встрѣчнаго и воображалъ, что гремитъ своими подвигами во всей подсолнечной...

Не только *они* создаютъ свою аудиторію, но и аудиторія создаетъ ихъ, этихъ драчливыхъ охотниковъ впиваться другъ въ друга. Не Каменевъ и Мартовъ виноваты въ отвратительныхъ формахъ, какія приняла ихъ полемика, въ нихъ виновата и публика, виноваты читатели, виновата та аудиторія, которая сама не доросла до имени соціалистически мыслящей массы, а является въ значительной мѣрѣ еще только соціалистической *улицей*, соціалистической *культурной чернью*. Ея психологія еще слишкомъ обывательская и мѣщанская. Это она, со своею жаждой

поклоняться какому-нибудь божку и восхищаться имъ во всѣхъ путяхъ его, мало-по-малу воспитала и во Вл. Ильинѣ его амикошонскую грубость въ обращеніи съ любымъ изъ свѣтилъ науки и философіи и готовность по военному расправляться съ любымъ вопросомъ теоріи и практики. Нечего ужасаться, когда передъ лицомъ изумленной „толпы" ея „герои" начинаютъ въ своихъ подвигахъ переходить всѣ границы. Нечего сваливать на нихъ эти „печальные эксцессы междуфракціонной распри". Оглянитесь на себя вы, рядовые, вы, читательская масса, вы, потенціальное войско движенія. Найдите и свою вину въ томъ, что вы не создали стойкаго общественнаго мнѣнія, морально дисциплинирующаго вашихъ собственныхъ видныхъ дѣятелей. Поймите, что это *вы* не поднялись на ступень зрѣлаго общества политически мыслящихъ людей, что *вы* представляете собою печальную и жалкую картину людскихъ муравейниковъ. Пожинайте же результаты этого: убѣдитесь, что въ атмосферѣ муравьиной борьбы, муравьиныхъ споровъ и раздоровъ неизбѣжно взрастаютъ ядовитые цвѣтки *моральнаго мѣщанства* въ политической области: безсиліе раздробленности, преобладаніе слова надъ дѣломъ, буквы надъ смысломъ, приходскаго самолюбія надъ интересами общаго дѣла; высокомѣрное третированіе другъ друга, „семейная привычка походя перебрасываться воркотней и бранью, нравственная распоясанность и готовность всегда вынести на улицу, на всеобщее позорище, мѣщанскія замашки своего захолустья, гдѣ изъ бани домой ходятъ запросто, въ распахнутомъ халатѣ съ вѣникомъ подъ мышкой, переругиваясь на ходу съ сосѣдями и не останавливаясь даже передъ упоминовеніемъ родителей...

Вы сами, читатели, вы, рядовые члены партій — начните съ себя. Не сѣтуйте безсильно на другихъ, превратитесь изъ политическихъ статистовъ въ людей, создающихъ общественное мнѣніе. Научитесь, наконецъ, *направлять* своихъ вождей идти за ними лишь тогда и лишь постольку, когда они ведутъ насъ *по вашему закону*. Возвысьтесь сами надъ исключительностью кружковыхъ и приходскихъ интересовъ и заставьте вашихъ вождей идти къ сліянію въ дисциплинированной коопераціи идейныхъ работниковъ. Заставьте ихъ забыть эти privilegia odiosa, вытекающія изъ сомнительной чести быть „общепризнаннымъ вождемъ" крошечной группки; заставьте ихъ примириться съ болѣе плодотворной ролью *одного изъ равныхъ* въ авангардѣ дѣятелей болѣе широкаго и могучаго цѣлаго. Вы воспитали въ нихъ деспотовъ, перевоспитывайте же ихъ, если нужно, деспотически. Вы награждали ихъ рукоплесканіями, чтобы они ни дѣлали; наказы-

вайте ихъ изолированіемъ и забвеніемъ, когда они перестаютъ быть служителями общаго дѣла и вдохновляются лишь ревнивымъ патріотизмомъ „своей лавочки". Вы, сторонники демократіи, сумѣйте быть живой демократіей въ своей собственной практикѣ. Не ждите, что улучшеніе и оздоровленіе междуфракціонныхъ отношеній придетъ откуда-то сверху. Тамъ, наверху, вы слишкомъ долго потакали рыцарямъ междоусобія и шумнымъ ихъ турнирамъ. Вы накопили тамъ достаточное количество инерціи, враждебной всякимъ перемѣнамъ. Сумѣйте преодолѣть эту инерцію, или не ропщите и продолжайте оставаться жалкими статистами при всѣхъ подвигахъ „главныхъ актеровъ" политической сцены... на которой въ переживаемое нами чреватое будущими событіями, глубоко значительное время еще не прекращается представленіе *пошлаго фарса*.

* * *

„Болѣзни дѣтства"... Къ числу этихъ дѣтскихъ болѣзней относятся также: упорный консерватизмъ мысли; нежеланіе, при какихъ бы то ни было условіяхъ, снизойти до признанія въ ошибкѣ; стремленіе во что бы то ни стало уклониться отъ критическаго изслѣдованія прошлой тактики; попытки заранѣе опорочить *мотивы* такой критики; запугать призракомъ „капитуляціи передъ врагами"; вообще убить критическую мысль и замѣнить ее слѣпой и упрямой вѣрой въ свою личную, фракціонную или партійную непогрѣшимость.

И здѣсь то же сходство съ типичнымъ захолустнымъ муравейникомъ. Въ немъ огромную силу имѣетъ *ябедничество*. Ябедой часто начинаются, и ябедой чаще всего кончаются всѣ споры. Аргументація по существу быстро исчерпывается, и вмѣсто доказательствъ начинается заподозриваніе противника, многозначительные кивки и намеки, а иногда и прямое опороченіе его дѣйствій и мыслей.

Статья Ю. Каменева блестящая иллюстрація характеризуемой нами стадіи развитія движенія.

Какова была цѣль нашихъ статей? Ю. Каменевъ ее прекрасно понялъ. Статьи эти, писалъ онъ, „останавливаютъ на себѣ вниманіе", ибо онѣ „представляютъ въ своей связи попытки оцѣнки общественнаго движенія послѣднихъ лѣтъ". Пожаловавъ, далѣе, „Виктору Чернову" званіе „признаннаго вождя народническаго *центра*" (почему „центра"?), онъ призналъ, что „подобная попытка тѣмъ болѣе должна привлечь къ себѣ вниманіе". Какъ будто,